

СЧАСТЛИВАЯ

Тамара прыгнула на заднее сиденье новенького А8 и недовольно процедила:

— На Серафимовское, и цветы по дороге купить...

Водитель с дурацким именем Эдик бесил. Давно пора выгнать! Уже и задницу не поднимет дверь открыть, ещё и нагло подворовывает. Какой раз предъявляет двойные счета за бензин! Скорее всего, берёт на заправке у тех, кому они не нужны. И в закупках на рынке пришлось отказать, чему он совсем был не рад. Купит самые дешёвые помидоры в ближайшем ларьке и убеждает, что брал на Владимирском, дорогие, понятное дело, самаркандские. Сколько ни дай денег — закончились! Какая мерзость!

Эдик был учтив, но помимо того что крал и придумывал всё новые схемы дополнительного заработка, ещё и вкрадчиво всем своим видом давал понять, что слишком много знает и, коли надумают уволить, молчать не намерен. Нет, Тамара его ничуть не боялась: духу не хватит — скользкий, но трусливый. Брать нового — дело хлопотное. Пока поймёт — куда и как, всю нервную систему измотаешь, ещё и непременно станет на часы поглядывать, когда отпустят. Эдуард жил один, ничем не связан и даже рад, если куда в ночное, на тусовку. Был по-своему симпатичным и беззастенчиво клеил Томкиных состоятельных подруг — вдруг какая клюнет.

С мужем отношения давно стали свободными, потихоньку и незаметно. Она знала, что живёт Максим своей жизнью, соблюдая правила приличия, и вечно в поездках по работе. Правда, какая работа на Сейшелах или

в Париже?! Слух пошёл, что есть у него вторая семья и двое детей-погодков. Тома разбираться не захотела — противно. Ну есть и есть! Она жертва, и этим всё сказано. Никаких скандалов — себе дороже! Поначалу чуть головой не тронулась, не ожидала, что такое и её коснётся. Чистое позорище! Хорошо, ума хватило набраться терпения, а то по-разному бывает: воевать начнёшь, и неизвестно, где окажешься. Пытались ей серию фоток из инстаграма засветить, чтобы воочию увидела, с какой дешёвкой Макс связался и куда несметные богатства уплывают. Тамара не повелась.

У неё тоже всё складно, нет-нет и какие-то романы жизнь подбрасывает. Научилась правильно оценивать порыв молодых мужиков завести отношения со зрелой бабой. Никаких обязательств, содержать её не надо, одни плюсы. Молодых не смущает большая разница в возрасте, времена другие настали. Все получают свой кайф. Верить никому не верила, но без тепла жить не сумела, хотя порой и в дурные ситуации попадала. Но так было поначалу, когда от тоски и горя крыша ехала. Со временем научилась особо не обольщаться и долгосрочных планов не строить.

Выбор в цветочном был огромный. Долго думать не стала, купила красные розы. Она толком и не знала покойную, восьмидесяти пяти лет от роду. Обычная история. То, что люди умирают, она понимала, но на похороны ходить не любила. Собрались близкие, и то не всем составом — видно, ничем выдающимся дальняя родственница не обладала, жила-жила и тихо закончила свой путь, никого особо не затронув своим уходом.

«Не дай бог вот так же незаметно согнуться! Интересно, сколько людей ко мне придёт? Максим будет сожалеть, или как я сейчас?» Стало грустно.

«Ну Славка понятно! Столько в него вложила, в оболтус! Хотя тоже не факт! Тяжёлый возраст, когда подростку кажется, что никто ему из родителей особо не нужен и он сам по себе, самостоятельная единица, имеющая право на собственное мнение. Любой совет вызывает раздражение. Порой так ремня всыпать охота! Так куда там, на голову выше и дерзит по любому случаю. Совсем отдалились! Надо было следом второго рожать, может, и третьего. Правда, никто не дал бы гарантий, что это и есть залог спокойной, счастливой жизни. А из мужиков кто-нибудь придёт?» Это было её любимое:

— Что, если я вдруг умру?

Понятно, все как один:

— Каждый день приходите буду! Не смей говорить об этом! Ты разбиваешь мне сердце!

Может, и не ввали, но верилось с трудом.

Старушка выглядела не очень, на лице застыла маска обиды, а по жизни вроде слыла человеком добрым и приветливым. Тамара стояла молча в сторонке и разглядывала свои чёрные лакированные лодочки. Она давно научилась одеваться по случаю, и чёрный твидовый костюм по фигуре эффектно подчёркивал все изгибы тела и копну свежевыкрашенных блондинистых волос. Кое-кто из родни поглядывал косо: «Вырядилась!»

«Завидуют! — была уверена Тамара. Она подошла поближе к отцу с мамой. — Как постарели! И это за какой-то год! Чему удивляться, обоим за 80!» Видно было, что переживают искренне: мама тихо роняет слёзы, отец крепится, и в глазах испуг.

«Наверно, представляют, что и их черёд не за горами?» — от этой мысли ей стало не по себе и почему-то вдруг очень жаль усопшую. Ведь когда-то и молодая была! Представить было сложно. Она и себя не могла вспомнить беззаботной молодой девчонкой, словно утратила связь с прошлым и всегда являлась той, какая есть в данный момент.

Странно, почему почти на физическом уровне пропадают все ощущения себя прежней? Болтовня, что в душе ты всё та же девчонка! Это лишь защита от самого большого разочарования — невозвратности и неповторимости. И что так на душе мерзко?

— Пап, я на поминки не поеду. Не обижайтесь только! Ну что ты сделал такое лицо?!

— Томочка, так это неудобно как-то. Все же свои.

Сергей Валерьянович был всегда главным в переговорах с дочерью. Мама, Оксана Леонидовна, давно уже никуда не лезла и не от повышенного чувства либеральности, скорее от нежелания разбираться в тонкостях Томиного характера, надоело. Её жизнь казалась Оксане Леонидовне странной и непонятной, в особенности отношения с Максимом. Как можно находиться в браке и жить каждый сам по себе! Она

ничего не высказывала, но была уверена: и Томиной вины предостаточно.

«Слишком много свободы дали друг другу. И главное, виду ведь не показывает! Как ни позвони, нет мужа дома. Останется одна, допрыгается! Может, сейчас это в порядке вещей? Глядишь, ещё немного, и многожёнство разрешат. А что, если такое творится сплошь и рядом! Мужики всегда гуляли, не секрет. Но чтобы так открыто и беззастенчиво! Такого не было. И семью разрушить боялись, детей своих жалели. Разводиться стыдно было! И откуда это всё взялось?! Ну первый раз у Томочки не получилось семью создать, молодые, дурные. Максим вроде всегда хорошее впечатление производил. Это всё девки, вконец обнаглели, на всё готовенькое норовят! Твари!» — Оксана Леонидовна с грустью оглядывала дочь.

— И куда это ты собралась? Опять без толку по городу болтаться? Что у тебя за жизнь, Том!

— Жизнь как жизнь! — хмыкнула Тамара, обняла побыстрому своих стариков, кивнула всем присутствующим и, не оборачиваясь, пошла по главной аллее к центральному выходу.

Удивительно, сколько зелени кругом, и деревья такие жирные, похлеще чем в любом парке! И почему на кладбищах так всё благодатно растёт? На даче за каждым кустом ухаживать надо, чтобы не захирел, а тут всё само собой. Чудеса!

Она ещё подростком сюда часто навещалась, жили-то совсем поблизости, на Савушкина. Одна шла, как манило

что, на кресты да памятники заглядывалась, и страшно становилось — не могла в голову взять, как вот так жил человек, жил, и вдруг его совсем не стало. Всё по-прежнему: и зима, и лето, и ландыши цветут, и мороженое эскимо у метро с лотков — а человека больше нет и никогда-никогда больше не будет! Всё ответы искала и не находила, и нет-нет да опять на Серафимовское тащится.

Неожиданно свернула на тонкую тропочку, пройтись между могил — как потянуло что-то, — всё равно к выходу дорогу найдёт. Сухая земля травой невысокой покрыта, вытоптали, видно, — хоть каблуки не проваливаются, идти можно. Листва едва шелестит над головой, по-особому, словно тихая, едва различимая музыка, и только в таких местах её и услышишь. Она, как прежде, скользила взглядом по могилам, попадались и совсем свежие, с ворохом ещё не засохших цветов и зловещими венками с чёрными лентами. «Что это я удумала? Пора выбираться, далеко забралась».

Она сделала ещё несколько шагов и полезла в сумочку за телефоном предупредить Эдика, чтобы у входа ждал, обязательно ведь куда-нибудь пойдёт кофе пить. «Как надоед! Это он обо мне думать должен, а не я отслеживать, на месте он или нет! И что с настроением?! Не мой день!»

Решила пробираться к основной аллее напрямик, так быстрее, и старалась больше ничего не разглядывать, одно волнение. Уже виднелась широкая заасфальтированная дорога и зелёная деревянная церковь Серафима Саровского с позолоченными куполами на фоне

ясного неба с редкими рваными облаками. В Питере особое небо, каждый день разное, словно разговаривает с тобой. Может, оттого что так мало солнечных дней, все вглядываются в него, пытаюсь распознать, что ждёт завтра: унылый дождь, ветер или всё-таки солнце, пусть и ненадолго. Хотя что там завтра, питерская погода, как искусный иллюзионист, несколько раз на день поменяется, к удивлению горожан, которые никак не привыкнут к таким выкрутасам.

Неожиданно наступила на маленький камушек, чуть ногу не подвернула. «Неужели каблук попортила?!» В полушаге скамеечка старая, вроде чистая. Присела. Всё на месте, только крошечная царапина на чёрной лакированной коже. Сушная ерунда! Невольно упал взгляд на гранитную плиту напротив. Татьяна Александровна Тихомирова.

Не по себе стало: вот что-то знакомое в имени, а кто это, понять не может. Фотография в иссохшей деревянной рамке, обтянутая прозрачной плёнкой, сильно пострадала, и разглядеть лицо было практически невозможно. Могила выглядела крайне запущенно. Особенно нелепо смотрелся огромный полуистлевший искусственный цветок, похожий на алый мак, который кто-то надёжно воткнул рядом. Наверно, совершенно случайный прохожий шёл мимо и пожалел уже совсем никому не нужного человека.

Она повторяла и повторяла:

— Татьяна Тихомирова, Татьяна Александровна Тихомирова... Таня! — Тамара наконец вспомнила её, и фотография начала оживать...

Они познакомились случайно, когда Тамара первый раз вышла замуж и переехала к родителям Михаила с Васьки на Петроградку. Выскочила по глупости, и трёх месяцев не провстречались. Время такое было: чуть перевалило за двадцать, нужно определяться, иначе не по-людски как-то, и от предков устала, одни нравоучения. Миша учился в Горном институте, сын известного археолога, видный и, оттого что рос в интеллигентной семье, начитанный и язык подвешен, кого хочешь уболтает.

У Тома родители — потомственные питерские врачи, вроде ровня, один круг. Поначалу Тамаре казалось, что она искренне влюблена в галантного молодого человека, и лишь совместная жизнь показала, что любить-то его было вовсе и не за что. Михаил совсем не понимал, что супружество накладывает некие обязательства, ограничений не признавал и частенько заваливался подвыпивший, а то и оставался не пойми где и с кем. Тома по горячей молодости закатывала истерики и лила слёзы.

В лице свекрови участия не находила, у той всегда Мишенька прав — ну с друзьями засиделся, эка невидаль! Её твёрдое убеждение, что мужчине нужна свобода, на то он и мужчина, — Томе было неведомо. В её семье такого отродясь не случалось. Папа всегда с работы домой спешил и сам нервничал, если мама задерживалась хоть на полчаса. У Миши вроде так же, но, видно, были и совсем другие времена, когда его отец ни в чём себе не отказывал, — понятное дело, вся жизнь в экспедициях, а там свои нравы и устои. Тому мама предупреждала: все археологи к женскому полу нестойкие и выпить горазды, и гены — вещь упрямая, обязательно проявятся.